

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЭРОТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ НА МАТЕРИАЛЕ
АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ И АМЕРИКАНСКОГО
МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА**

Севастьянова А.Л.

*Самарский государственный университет, Самара,
e-mail: alex-sandrine@mail.ru*

Роль любви в человеческой жизни не может быть переоценена. Именно в ней человек видит единственную силу, поддерживающую жизнь на Земле и способную противостоять смерти.

Тема любви остается актуальной на протяжении тысячелетий и находит свое отражение в культуре всех народов мира. Несомненно, тема любви чрезвычайно богато представлена и в языке как одном из аспектов культуры. Эротическая лексика присутствует во всех слоях языка – начиная от высокого литературного и заканчивая молодежным сленгом. Стоит отметить, что особенности любовной лексики на разных уровнях языка не только являются лингвистическим материалом, но и способны отразить некоторые психологические особенности носителей того или иного слоя, а также передать их отношение к любви в целом.

В данной работе будут рассмотрены семантические особенности американского молодежного сленга и американской поэзии рубежа 19 и 20 веков, как наиболее контрастирующие слои языка.

Сленговые и поэтические единицы параллельно распределяются в лексико-семантические группы, совпадающие в обоих слоях языка, и представляют следующую классификацию: 1) наименования людей, 2) части тела, 3) действия, 4) чувства. Важно, что количественное наполнение групп в поэзии и сленге различается. Если в поэзии группа «чувства» является одной из наиболее многочисленных, то в сленге она чрезвычайно мала. Среди лексико-семантических групп, содержащих сленговую лексику, главное место занимают «наименования людей», что подтверждает важность общения и социализации в жизни молодых людей. В поэзии эта группа представлена крайне скудно.

Стоит также отметить, что любовь является социально обусловленным фактором, и этика любви, отраженная в том или ином слое языка имеет большое количество особенностей, в зависимости от возраста, интеллектуального уровня и других характеристик его носителей. Так, например, тема секса в молодежном сленге доминирует над темой чувств. Все, что касается проявления чувств (восхищение красотой женского тела, влюбленность, нежность) или связано с внутренним миром человека, отходит на второй план и приобретает крайне ироничную окраску. Такая специфика сленговой лексики может объясняться рядом причин, а именно: 1) отсутствием в нейтральном стиле английского языка слов с эротическим значением, способных заменить сленговые единицы литературными эквивалентами; 2) юношеским смущением перед темами любви и секса и попыткой скрыть смущение за нарочитой уверенностью; 3) нравственным уровнем молодежи; 4) коммерциализацией секса вследствие распространения порнографических изданий и фильмов.

В поэзии же, как правило, напротив, выражение чувства является основной целью автора, и физическая сторона любви выступает лишь как еще одна грань любви духовной.

Данная идея может быть проиллюстрирована на примере группы «части тела» в обоих слоях языка. Необходимо отметить, что наполнение этой группы

различается в поэзии и сленге. Группа, содержащая поэтические единицы, состоит из высоких литературных слов, чаще всего номинирующих такие части тела, как глаза, губы и руки. В сленге данная семантическая группа представлена иными существительными: она содержит наименования лишь тех частей тела, которые определяют половую принадлежность (гениталии, грудь и т.д.).

Необходимо отметить и разницу в способе образования новых значений поэтических и сленговых единиц. Сленговые единицы, как правило, являются окказиональными образованиями, не зафиксированными в стандартных словарях. Значения таких слов образуются на основе переосмысления уже имеющихся в стандартном английском языке слов (например, такие слова как *bunnies*, *apples*, *a hot number*) или представляются собой неологизмы, созданные носителями сленга (*sexboat*, *patootie*). Сленговые единицы обладают когнитивным значением. Оно устойчиво и не меняется в зависимости от контекста, так как значения данных слов должны быть доступны и понятны всем носителям сленга. Контекст в сленге носит лишь иллюстративный характер. Классическая поэзия же, как правило, оперирует уже имеющимися в литературном языке единицами, зачастую не имеющими непосредственно эротического значения (*hands*, *woman*, *procreation*).

Эротическое значение поэтических слов раскрывается лишь в контексте, который часто содержит контекстуальную метафору, метонимию, специализацию или генерализацию. Таким образом, контекст в поэзии обладает смыслообразующим значением. Так, если в сленге понятие «возлюбленная» обозначается словом «*proopsie*» в метафорическом значении, то в поэзии для этой цели используются слова и словосочетания нейтрального стиля: *bride*, *woman*, *bedfellow*, *right person*, приобретающие эротическое значение в поэтическом контексте.

Поэтический контекст также нередко создает окказиональные значения на базе стандартной лексики. Так, например, в словосочетании «*from the bending curve and clinch*» из стихотворения Уолта Уитмена «*From Pent-Up Aching Rivers*» наблюдается специализация. Дословно словосочетание «*bending curve*» переводится как «упругая линия» и часто используется в речи строителей и моряков. В данном случае Уитмен сужает значение биннома и придает ему поэтическое значение «упругая линия [тела], изгибы тела возлюбленной».

Таким образом, в то время как сленговые единицы легко закрепляются в узусе, поэтические семантические окказионализмы носят индивидуальный характер и сохраняют высокую степень экспрессии.

Ведущее место среди семантических типов образования новых значений как в сленге, так и в поэзии, занимает метафора. Однако она имеет разную прагматику в зависимости от слоя языка. И в сленге, и в поэзии метафора придает речи большую образность и экспрессивность. Однако, в сленге она выполняет также и эвфемистическую функцию. В поэзии же главная цель метафоры – заставить читателя по-новому посмотреть на обыденные предметы и события действительности, подчеркнуть красоту и уникальность каждого момента.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на единство концептосферы, поэзия и сленг по-разному выражают любовь, преследуя во многом противоположные цели, что объясняется рядом социальных факторов, таких как интеллектуальный уровень, характер, воспитание и возраст людей, использующих тот или иной слой английского языка.

ка. Таким образом, прагматически сленг и поэзия работают в диаметрально противоположных направлениях.

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ
И ИХ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
НА РУССКИЙ**

Сердюкова Д.А.

*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола,
e-mail: SerdyukovaDaria@rambler.ru*

В современной лингвистике акцент сделан на изучение текста в его взаимосвязях и взаимодействиях с другими текстами внутри единого интертекстуального пространства. Согласно последним лингвистическим исследованиям, интертекстуальность свойственна каждому тексту. Текст неоднороден и нецелостен, он функционирует в окружении других текстов, взаимодействует с ними, включает в себя отпечатки более ранних произведений и включается в произведения других авторов по их воле или неосознанно с их стороны [4]. Упоминания названий книг, имен, проблем, героев художественного наследия предшественников и современников, творчески используемые концепты, элементы национальной и мировой художественной культуры способны создавать особые предметно-смысловые пласты художественных текстов. Восприятие текста зависит от энциклопедии читателя, т. е. его понятийного мира, его знаний о мире, сформировавшихся на основе определенного языка в определенном культурном пространстве [2].

Термин «интертекстуальность» был введен французским постструктуралистом, ученицей Ролана Барта Юлией Кристевой, в 1967 году и стал затем, как пишет И.П. Ильин, одним из основных принципов постмодернистской критики [6]. По мнению Кристевой, «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста», является реакцией и насыщен постоянными ссылками на предшествующие тексты. Вновь созданный текст, в свою очередь, составляет основу будущих текстов [7].

Ставшее для большинства западных теоретиков каноническим определение интертекстуальности Ролана Барта может более наглядно представить ситуацию: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат». Барта не интересуют источники происхождения текста, его интересует текст лишь как результат процесса диалога текстов [1].

Нужно отметить, что не все западные ученые разделяют взгляды постструктуралистов на интертекстуальность. Интертекстуальность может также быть рассмотрена как факт соприсутствия в одном тексте двух или более текстов, реализующийся в таких приемах, как цитата, аллюзия, плагиат и др. [5]. Н. Пьегро определяет интертекстуальность как «устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением in absentia (например, в случае аллюзии) или in praesentia (как в случае цитаты)» [8].

Рассматривая вопросы передачи интертекстуальных связей при переводе, Л.Б. Бойко утверждает,

что интертекст чаще всего становится почти непреодолимой проблемой для переводчика. Не соглашаясь с принципом тотальной переводимости, автор упоминает методы компенсации и замены, позволяющие найти наилучший вариант передачи интертекста. Главное препятствие состоит в том, что переводить с одного языка на другой приходится для чужой отнесенности оригинала культуры, отсюда следует, что национально-прецедентные тексты приведут к непониманию текста иноязычным реципиентом, отмечая также, что аллюзивность становится масштабной и новые смыслы генерируются на уровне целого текста или отрезка текста [3].

Л.Б. Бойко признает тщетность попыток переводчиков преодолеть культурные барьеры, констатируя потери при переводе, а также называет выявление некоторых закономерностей в установлении культурных параллелей одной из целей исследования интертекста в аспекте перевода. Это позволит определиться с выбором стратегии перевода в зависимости от типа прототекста. Иными словами, это тот же процесс минимизации смыслов с целью обнаружить то типическое (прототипическое), что позволит отыскать аналог прецедентного феномена в переводящей культуре. Применение этой стратегии возможно только в тех случаях, когда интертекстуальный фрагмент основан на универсально прецедентном феномене (теме, ситуации), обладающем одинаковым или схожим эмоционально-оценочным компонентом в переводной и переводящей культурах.

Среди продуктивных приемов перевода интертекстуальных фрагментов выделяются адаптация и остранение. Автор указывает на право переводчика на применение таких макростратегий, как стратегия кооперации (концептуальное сотрудничество с автором оригинала), стратегии аналогии и стилизации (достижение функционально-эстетической аналогии перевода оригиналу), а также стратегии пертинентности и тесно связанных с ней стратегий разъяснения и аппроксимации; стратегии креативности и даже стратегии конкурентности. С помощью этих стратегий переводчик пытается прорваться через лингвокультурные барьеры к иноязычному сознанию.

На настоящий момент в лингвистике и литературоведении многое сделано по изучению понятия «интертекстуальность». Однако остаются дискуссионными и требуют уточнения многие положения и понятия. Дальнейшее изучение этого сложного феномена имеет большую значимость для развития филологии, литературоведения и культурологии. Всесторонний анализ интертекстуальности, ее функций, способов актуализации этой категории в разных функциональных стилях и жанрах позволил бы существенно углубить представление о ее текстообразующей значимости для текстов различной стилиевой принадлежности.

Список литературы

1. Барт Р. От произведения к тексту / Р.Барт // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М., 1989. – С. 417-418.
2. Баширова Н.З. Интертексты в современных английских газетных статьях (на материале произведений В. Шекспира) // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 4. – С. 168-172.
3. Бойко Л.Б. К вопросу о переводе интертекста / Л.Б. Бойко // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – Калининград, 2006. – Вып.2: сер. Филологические науки. – С. 52-59.
4. Дементьева И.Е. Интертекстуальность и устойчивые элементы текста. – ТГУ, 2003. – С. 67.
5. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. – М.: Наука, 1989. – С. 213
6. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин; науч. ред. А.Е. Махов. – М.: Интрада, 1996. – С. 225.
7. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – С. 428-431.